

УДК 821.111-312.9
ББК 84(4Вел)-44
П68

Terry Pratchett
EQUAL RIGHTS
Copyright © Terry Pratchett, 1987
WYRD SISTERS
Copyright © Terry and Lyn Pratchett, 1988
WITCHES ABROAD
Copyright © Terry and Lyn Pratchett, 1991
LORDS AND LADIES
Copyright © Terry and Lyn Pratchett, 1992
First published by Victor Gollancz Ltd, London.
This edition published by arrangement with
Orion Publishing Group
and Synopsis Literary Agency.

Пратчетт, Терри.

П68 **Ведьмы Плоского мира : [перевод с английского] / Терри Пратчетт. — Москва : Эксмо, 2019. — 864 с. — (Гиганты фантастики).**

ISBN 978-5-04-106142-5

Всем известно, что Плоским миром правит волшебство. За волшебство отвечают волшебники Незримого Университета из славного города Анк-Морпорк. Но есть еще древняя магия, которой служат ведьмы.

И иногда только ведьмы и могут спасти Плоский мир от надвигающейся катастрофы, будь то упертость волшебников, королевские интриги, вуду или происки коварных эльфов.

Великолепное трио — Матушка Ветровоск, нянюшка Ягг и Маграт Чесногк — в четырех романах о ведьмах от блистательного сэра Терри Пратчетта!

УДК 821.111-312.9
ББК 84(4Вел)-44

© И. Кравцова, перевод на русский язык, 2019
© В. Вольфсон, перевод на русский язык, 2019
© П. Киракозов, наследники, перевод на русский язык, 2019
© Н. Берденников, перевод на русский язык, 2019
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2019

ISBN 978-5-04-106142-5

A large, faint, circular decorative emblem in the background. It features a complex, symmetrical design with interlocking curved lines and triangular shapes, resembling a stylized sun or a magical symbol. The emblem has a serrated outer edge.

ТВОРЦЫ
ЗАКЛИНАНИЙ

*Огромная благодарность Нилу Гейману,
одолжившему нам последний сохранившийся
экземпляр «Liber Primarius Fulvatus»,
и большой привет всем ребятам
из Воскресного клуба поклонников Г. Ф. Лавкрафта.*

*С самого начала хотелось бы расставить
все точки над i. Эта книга не «с приветом».
«С приветом» бывают только тупоголовые
рыжие девицы в комедиях пятидесятых годов.
Но она и не с приколом.*

Эта книга про волшебство, про то, куда оно девается и — что, наверное, намного важнее — откуда берется. Хотя данный манускрипт не претендует на то, чтобы ответить на какой-либо из вышеозначенных вопросов.

Тем не менее он, вероятно, поможет объяснить, почему Гэндальф никогда не женился и почему Мерлин был мужчиной. Видите ли, эта книга также касается вопросов пола — не того, деревянного, паркетного или земляного, — а мужского и женского. Поэтому герои могут в любой момент выйти из-под контроля автора. Такое случается.

Но прежде всего эта книга про мир. Вот он приближается. Смотрите внимательно, спецэффекты обошлись недешево.

Слышится звук контрабаса. Глубокая, вибрирующая нота, намекающая на то, что в любую секунду может вступить духовая секция, насыщая космос фанфарами. Сцена представляет собой черноту космического пространства, в которой мерцает несколько звезд, похожих на перхоть на плечах Создателя.

Потом откуда-то сверху появляется она (или он), огромное, чем самый огромный, мерзко ошестинившийся пушками звездный крейсер, рожденный воображением режиссера-космотолога. Это черепаха, черепаха длиной десять тысяч миль. Это Великий А'Туин, одна из редких космических рептилий, обитающих во вселенной, где вещи меньше всего похожи на то, какими они должны быть, а скорее выглядят такими, какими люди их себе представляют. Великий А'Туин несет на своем изрытом метеоритными кратерами панцире четырех гигантских слонов, которые держат на исполинских плечах громадный круг Плоского мира.

Камера отъезжает, и в поле зрения появляется весь Диск, освещенный крошечным, вращающимся вокруг него солнцем. Здесь присутствуют континенты, архипелаги, моря, пустыни, горные цепи. Имеется даже малюсенький центральный ледниковый покров. Обитателям этого мирка глубоко чужды теории о том, что земля обязана иметь форму шара. Их мир,

обрамленный океаном, который вечно низвергается в пространство одним гигантским водопадом, — этот мир круглый и плоский, как геологическая пицца, хоть и без анчоусов.

Подобный мир может существовать только потому, что даже у богов есть чувство юмора. А еще он просто обязан быть местом магическим. И разделенным по половым признакам.

Он шел сквозь грозу, и в нем сразу можно было признать волшебника — отчасти по длинному плащу и резному посоху, но главным образом по дождевым каплям, которые зависали в нескольких футах над его головой и превращались в пар.

То был край суровых гроз, верховья Овцепикских гор, край забуренных пиков, густых лесов и маленьких речных долин, настолько глубоких, что не успевал дневной свет добраться до дна, как ему уже было пора возвращаться обратно. Растрепанные клочья тумана льнули к менее высоким утесам, виднеющимся над горной тропой, по которой, скользя и оступаясь, брел волшебник. Несколько коз наблюдали за ним глазками-щелочками, в которых светился легкий интерес. Да только чтобы заинтересовать коз, много не нужно.

Периодически волшебник останавливался и подбрасывал тяжелый посох в воздух. Посох, приземляясь, всегда указывал в одну и ту же сторону. Хозяин со вздохом поднимал его и, хлюпая по грязи, брел дальше.

Гроза, рокоча и ворча, обходила холмы на ногах-молниях.

Волшебник скрылся за поворотом, и козы снова принялись щипать мокрую траву.

Но что-то заставило их оторваться от этого занятия. Козьи глаза расширились, ноздри раздулись. Хотя на тропе ничего не было. Но козы все равно провожали взглядами это «ничто», пока оно не скрылось из виду.

В узкой долине, зажатой между крутыми лесистыми склонами, примостилась деревушка, совсем крошечная, ее ни в жизнь не найдешь на карте гор. Она едва заметна даже на карте самой деревни.

По сути, это было одно из мест, которые существуют только для того, чтобы люди могли происходить отсюда родом. Вселенная кишмя кишит такими местечками: укромными деревушками, открытыми всем ветрам городками под бескрайним небом, одинокими хижинами в промозглых горах. Согласно истории, в этих невероятно заурядных местах зачастую берет начало нечто необычайное. Как правило, об этом свидетельствует лишь маленькая табличка, сообщающая, что вопреки всякой гинекологической вероятности именно в этом домишке и в этой комнат-

ке (поднимите глаза, вон то окно) родился кто-то весьма и весьма знаменитый.

Когда волшебник пересек узкий мосток над вздувшимся ручьем и направился к деревенской кузнице, меж домами клубился туман. Впрочем, эти два факта не имеют друг с другом ничего общего. Туман бы клубился в любом случае: это был опытный туман, который возвел умение клубиться в ранг высокого искусства.

В кузнице, разумеется, было полно народу. Кузница — единственное место, где наверняка можно согреться и перекинуться с кем-нибудь словом. Несколько жителей деревни сидели развалившись в теплом полумраке, однако появление волшебника заставило их выжидающе выпрямиться. С незначительным успехом они попытались принять умный вид.

Однако кузнец не счел нужным проявлять подобное подобострастие. Он кивнул волшебнику, но то было приветствие равного равному. Любой маломальски сведущий кузнец знает, что такое магия и как с ней управляться, хотя некоторые лишь тешат себя.

Волшебник поклонился. Спавшая у горна белая кошка проснулась и окинула его внимательным взглядом.

— Как называется эта деревня, почтенный? — осведомился волшебник.

— Дурной Зад, — пожав плечами, ответил кузнец.

— Дурной?..

— Зад, — повторил кузнец.

«Ну, давай, давай, — хорохорился его вид. — Попробуй только отпустить какую-нибудь шуточку».

Волшебник обдумал доведенную до его сведения информацию.

— Видать, за этим названием скрывается какая-то история, которую, сложись обстоятельства иначе, я бы с удовольствием выслушал, — сказал он наконец. — Но я хотел бы поговорить с тобой о твоём сыне.

— О котором? — поинтересовался кузнец, и его приспешники подобострастно захихикали.

Волшебник улыбнулся.

— У тебя ведь семь сыновей... А сам ты был восьмым сыном.

Лицо кузнеца застыло. Он повернулся к остальным.

— Так, дождь почти закончился. Чешите все отсюда. Мне и... — Вопросительно приподняв брови, он посмотрел на волшебника.

— Драм Биллет, — представился тот.

— Мне и господину Биллету надо перекинуться парой слов.

Он неопределенно махнул молотом, и присутствующие, оглядываясь через плечо — вдруг волшебник отколет что-нибудь напоследок, — один за другим разошлись.

Кузнец вынул из-под верстака пару табуретов, вытащил из стоящего рядом с бочкой воды буфета бутылку и налил в два маленьких стаканчика какую-то прозрачную жидкость.

Волшебник и кузнец сидели и смотрели на дождь. Над мостом стелился туман.

— Я догадываюсь, какого сына ты имеешь в виду, — сказал вдруг кузнец. — Старая матушка сейчас наверху, у моей жены. Восьмой сын восьмого сына. Мне приходило это в голову, но, честно говоря, я как-то не оболящился. Ну-ну. Волшебник в семье, а?

— Быстро соображаешь, — буркнул Биллет.

Белая кошка соскочила со своей лежанки, неторопливо пересекла кузницу, вспрыгнула ему на колени и свернулась в клубок. Тонкие пальцы волшебника начали рассеянно поглаживать ей спинку.

— Ну-ну, — повторил кузнец. — Волшебник в Дурном Заду, а?

— Возможно, возможно, — ответил Биллет. — Но сначала ему придется закончить Университет. И очень может быть, дела у него пойдут успешно.

Кузнец рассмотрел это предположение со всех сторон и решил, что оно ему нравится. Вдруг его словно осенило.

— Погоди-ка! — воскликнул он. — Помню, отец некогда рассказывал мне... Волшебник, знающий, что смерть его близка, может вроде как передать свое, ну, вроде как волшебство вроде как преемнику, верно?

— Верно, — согласился волшебник. — Правда, мне никогда не удавалось изложить это столь кратко и доходчиво.

— Значит, ты вроде как скоро умрешь?

— О да.

Пальцы волшебника пощекотали кошку за ухом, и та замурлыкала.

На лице кузнеца отразилось смущение.

— Когда?

Волшебник поразмыслил секунду.

— Минут через шесть.

— О-о.

— Не волнуйся, — успокоил волшебник. — По правде говоря, я жду этого с нетерпением. Я слышал, это совершенно не больно.

Кузнец обдумал его слова.

— И кто тебе такое сказал? — изрек он наконец.

Биллет сделал вид, будто погрузился в свои мысли. Он смотрел на мост, пытаясь разглядеть в тумане красноречивое завихрение.

— Слушай, — окликнул его кузнец. — Ты бы лучше объяснил мне, как правильно воспитывать волшебника. Видишь ли, в наших краях волшебников отродясь не бывало и...

— Все уладится само собой, — любезно заверил его Биллет. — Магия привела меня к тебе, она же позаботится обо всем остальном. Так оно обычно бывает. Кажется, я слышал крик?

Кузнец поднял глаза на потолок. Сквозь шум дождя до них донеслись звуки, издаваемые парой новеньких, работающих на полную мощь легких.

Волшебник улыбнулся.

— Пусть его принесут сюда.

Кошка у него на коленях уселась и заинтересованно уставилась на широкую дверь кузницы, а потом, когда кузнец подошел к лестнице и окликнул

тех, кто был наверху, соскочила на пол и неторопливо удалилась в противоположный угол, мурлыча, словно ленточная пила.

По ступенькам спустилась высокая худая женщина, которая держала в руках нечто завернутое в одеяло. Кузнец торопливо повел ее к волшебнику.

— Но... — запротестовала она.

— Это очень важно, — напыщенно перебил ее кузнец. — Что нам делать теперь, господин?

Волшебник поднял свой посох. Посох достигал в высоту человеческого роста и был толщиной с Биллетово запястье. А еще его покрывала резьба, которая (кузнец аж сморгнул) менялась на глазах, будто не хотела, чтобы посторонние видели, что именно она изображает.

— Ребенок должен взять его в руку, — сказал Драм Биллет.

Кузнец кивнул, покопался в складках одеяла и, отыскав там маленький розовый кулачок, осторожно поднес его к посоху. Крошечные пальчики крепко обхватили отполированное дерево.

— Но... — вмешалась повитуха.

— Все в порядке, матушка, я знаю, что делаю. Она ведьма, господин, не обращай на нее внимания. Так, что теперь?

Волшебник не ответил.

— Что нам делать те...

Кузнец, осекшись, наклонился и взгляделся в лицо старого волшебника. Биллет улыбался, но одним богам было ведомо, что показалось ему таким забавным.

Кузнец сунул ребенка лихорадочно мечущейся женщине, как можно более уважительно разогнул тонкие, бледные пальчики и высвободил посох.

Посох был странно маслянистым на ощупь, словно статическое электричество. Само дерево казалось почти черным, но резьба выделялась на нем светлыми пятнами и резала глаз, стоило попробовать к ней прикоснуться.

— Ну что, доволен собой? — спросила повитуха.

— А? О да. По правде говоря, да. А что?

Она откинула складку одеяла. Кузнец опустил взгляд и слотнул.

— Не может быть. Он же сказал...

— А что он мог об этом знать? — презрительно хмыкнула матушка.

— Но он же сказал, что родится сын!

— Знаешь, приятель, по мне, так это не больно-то похоже на сына...

Кузнец тяжело хлопнулся на свой табурет и обхватил голову руками.

— Что же я натворил?! — простонал он.

— Ты подарил миру первую женщину-волшебника, — отозвалась повитуха. — А сто это у нас здесь? Сто это за плелесть?

— Чего?

— Я разговаривала с *ребенком*.

Белая кошка замурлыкала и выгнула спину, словно ласться к старому другу. Самое странное, никого рядом с ней не было.

— Какой же я дурак, — произнес чей-то голос, но слова эти не мог услышать ни один смертный. — Я думал, магия сама знает, что делать.

— ВОЗМОЖНО, ТАК ОНО И ЕСТЬ.

— О, если бы я мог что-нибудь изменить...

— НАЗАД ХОДУ НЕТ. НАЗАД ХОДУ НЕТ, — прогудел глубокий, тяжелый голос, похожий на грохот закрывающихся дверей склепа.

Струйка небытия, которая некогда была Драмом Биллетом, задумалась.

— Но у нее будет куча проблем.

— НАСКОЛЬКО МНЕ ИЗВЕСТНО, В ЭТОМ И ЗАКЛЮЧАЕТСЯ СМЫСЛ ЖИЗНИ. ХОТЯ МНЕ ОТКУДА ЗНАТЬ?

— А как насчет реинкарнации?

Смерть поколебался (не стоит забывать, что на Диске Смерть — мужского рода).

— ПОВЕРЬ МНЕ, ТЕБЕ ЭТО НЕ ПОНРАВИТСЯ.

— Я слышал, некоторые люди только этим и занимаются.

— ЗДЕСЬ ТРЕБУЕТСЯ ПОДГОТОВКА. НУЖНО НАЧАТЬ С НИЗШЕГО УРОВНЯ И ПРОДВИГАТЬСЯ ВВЕРХ. ТЫ ПОНЯТИЯ НЕ ИМЕЕШЬ, ЧТО ТАКОЕ БЫТЬ МУРАВЬЕМ.

— Неужели это так страшно?

— ЕЩЕ КАК. А С ТВОЕЙ КАРМОЙ Я БЫ И МУРАВЬЕМ НЕ НАДЕЯЛСЯ СТАТЬ.

Ребенка отнесли обратно к матери, а кузнец сидел, безутешно изучая дождь.

Драм Биллет почесал кошку за ухом и задумался о своей жизни. Она была долгой — одно из преимуществ профессии волшебника, — и он натворил много дел, о которых не всегда было приятно вспоминать. Самое время...

— ЗНАЕШЬ ЛИ, ВРЕМЕНИ У МЕНЯ НЕ ТАК УЖ МНОГО, — с упреком заметил Смерть.

Волшебник посмотрел на кошку, и только тут до него дошло, насколько странно она выглядит.

Живым невдомек, как сложно выглядит мир с точки зрения покойника, потому что смерть, освобождая разум от смирительной рубашки, в которой его держат три измерения, отсекает его также и от Времени, которое есть не что иное, как еще одно измерение. Хотя трущаяся о невидимые ноги Биллета кошка оставалась той же самой кошкой, которую он видел несколькими минутами раньше, она также являлась и крошечным котенком, и толстой, полуслепой старой кошачьей матроной, и всеми промежуточными стадиями. Одновременно. В результате кошка смахивала на белую кошкообразную морковку — описание, которым придется довольствоваться, пока люди не изобретут четырехмерные прилагательные.

Костлявая рука Смерти мягко постучала Биллета по плечу.

— ИДЕМ, СЫН МОЙ.

— Неужели я ничего не могу сделать?

— ЖИЗНЬ — ДЛЯ ЖИВЫХ. КРОМЕ ТОГО, ТЫ САМ ОТДАЛ ДЕВОЧКЕ СВОЙ ПОСОХ.

— Да уж. Что есть, того не отнять.

Повитуху звали матушка Ветровоск. Она была ведьмой. В Овцепикских горах этот вид деятельности считался вполне приемлемым занятием, и никто не мог сказать о ведьмах худого слова — если хотел проснуться утром в том же обличье, в котором ложился спать.

Кузнец все еще хмуро созерцал дождь, когда матушка снова спустилась по лестнице и похлопала его по плечу бородавчатой рукой.

Он поднял глаза.

— Что мне теперь делать, матушка?

Как он ни старался, в голосе его невольно прозвучала мольба.

— Ты куда дел волшебника?

— Вынес на улицу и положил в дровяном сарае. Я правильно поступил?

— Пока этого достаточно, — бодро ответила она. — А теперь ты должен сжечь посох.

Они оба обернулись и посмотрели на тяжелый жезл, который кузнец поставил в самый темный угол кузницы. Еще немного — и у них создалось бы впечатление, что посох смотрит на них в ответ.

— Но он же волшебный, — прошептал кузнец.

— И что с того?

— А он сгорит?

— Никогда не видела дерева, которое бы не горело.

— Мне это кажется неправильным!

Матушка Ветровоск хлопнула створками ведущих в кузницу дверей и сердито повернулась к нему.

— Послушай-ка меня, кузнец Гордо! Женщина-волшебник — это тоже неправильно! Для женщины такая магия не годится, магия волшебников — сплошные книги, звезды и гимметрия. Ей этого ни за что не осилить. Ты вообще когда-нибудь слышал о женщине-волшебнике?

— Но ведьмы-то существуют, — неуверенно отозвался кузнец. — И чародейки тоже.

— Ведьмы — это совсем другое дело, — отрезала матушка Ветровоск. — Это магия, исходящая из земли, а не с неба, и мужчинам ею никогда не овладеть. А о чародейках вообще лучше не говорить. Послушай моего совета, сожги посох, похорони тело и сделай вид, будто знать ничего не знаешь.

Кузнец неохотно кивнул, подошел к наковальне и принялся работать мехами. Когда из горна полетели яркие искры, он вернулся за посохом.

Сдвинуть его с места не удалось.

— Он вроде как прилип!

Кузнец дергал упрямую палку, пока у него на лбу не выступил пот. Посох упорно отказывался поддаваться его усилиям.

— Дай-ка я попробую, — предложила матушка и потянулась к посоху.

Что-то щелкнуло, и в воздухе запахло каленой жостью.

Кузнец, слегка поскуливая, торопливо бросился вслед за матушкой, приземлившись вверх ногами у противоположной стены.

— Ты не ушиблась?

Она открыла глаза, похожие на гневно сверкающие бриллианты.

— Понятненько. Значит, вот ты как, да?

— Как? — переспросил совершенно обалдевший кузнец.

— Помоги мне подняться, болван. И принеси топор.

Ее тон ясно давал понять, что кузнец поступит очень благоразумно, если немедленно послушается. Он разворошил кучу старого хлама в глубине кузницы и достал старый обоюдоострый топор.

— Отлично. А теперьними передник.

— Зачем? Что ты задумала? — удивился кузнец, явно утративший контроль над ситуацией.

Матушка раздраженно вздохнула.

— Это кожа, идиот. Я оберну ее вокруг ручки. На одну и ту же уловку я дважды не поймаюсь!

Кузнец кое-как стянул тяжелый кожаный передник и осторожно подал его ведьме. Она обернула топор и сделала пару пробных взмахов. Изрядно смахивающая на паука в свете раскалившейся почти добела наковальни, матушка Ветровоск пересекла кузницу и, торжествуя крикнув, с размаху опустила тяжелое лезвие на середину посоха.

Что-то щелкнуло. Что-то вжикнуло, как куропатка. Что-то гулко стукнуло.

Наступила тишина.

Кузнец, замерев на месте, медленно поднял руку и коснулся острой стали. Топорище отсутствовало, а сам топор впился в дверь рядом с головой кузнеца, отхватив крошечный кусочек уха.

Матушка, которая выглядела слегка размыто из-за того, что удар ее пришелся по абсолютно неподвижному предмету, уставилась на кусок дерева, оставшийся у нее в руках.

— Н-н-н-у и л-лад-н-но, — заикаясь, выговорила она. — В-в-в т-т-так-к-ком с-сл-лучае...

— Нет, — твердо сказал кузнец, потирая ухо. — Что бы ты ни собиралась предложить — нет. Оставь посох в покое. Я завалию его чем-нибудь. Никто и не заметит. Не трогай его больше. Это обыкновенная палка.

— Палка?

— А ты можешь придумать что-нибудь получше? Боюсь, что в следующий раз я вообще без головы останусь...

Матушка Ветровоск свирепо смерила глазами посох, который, похоже, полностью игнорировал ее.

— Прямо сейчас не могу, — наконец призналась она. — Но если ты дашь мне немного времени...

— Хорошо, хорошо. А пока извини, у меня дел невпроворот, всякие незахороненные волшебники, ну и так далее...

Кузнец взял лопату, которая была прислонена к задней двери, но вдруг, засомневшись, остановился.

— Матушка...

— Что?

— Ты, случаем, не знаешь, как правильно хоронить волшебника?